

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480-2015

ЧАСТЬ III

Санкт-Петербург
2017

Редакция журнала:
К.В. Нагорный
В.В. Пенской
А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук О.В. Ковтунова
кандидат исторических наук А.Н. Лобин
кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков
кандидат исторических наук Е.И. Юркевич
Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 — Ч. III. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)44=161.1(045)"0/2"(470+571)

УДК 94(47).04

**Панкратов А.Г. К развернувшейся дискуссии после выхода статьи О.В. Шиндлера
«Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV века»**

Ключевые слова: доспешная мода, ориентализация, калантарь, клепано-пришивной доспех, кольчато-пластинчатый доспех, ламелляр, защитное вооружение.

Автор: Панкратов Александр Германович, аспирант кафедры истории и теории искусств Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Область научных интересов: вооружение Древней Руси в XIV, XV вв.

Email: pankrat_1410@mail.ru.

Литература, использованная в статье:

Шиндлер О.В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. I. — С. 72-97. <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2>(18.08.2015).

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV в. — Л., 1975.

Кулешов Ю.А. Оборот оружия в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. — Казань, 2014. — № 3.

Иванов В.А. Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологических контекстах: где истина? // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 г.). — Казань, 2011.

Медведев А.Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология. — М., 1959. — Вып. № 4.

Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. — М., 1959. — Вып. № 65. — Т. 2.

Двуреченский О.В. «Броня крепка». Снаряжение русского воинства в эпоху Куликовской битвы // «Родина». — 2005. — № 12.

Алексинский Д.П., Жуков К.А., Бутягин А.М., Коровкин Д.С. Всадники войны. Кавалерия Европы. — СПб., 2005.

Виноградова В.Л. Некоторые замечания о лексике «Задонщины» // Труды Отдела древнерусской литературы. — М.;Л., 1958. — Т. 14.

Кирпичников А.Н. Куликовская битва. — М., 1980.

- Шиндлер О.В. Классификация русских корпусных доспехов XVI века. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 417-486. <<http://www.milhist.info/2014/08/18/schindler>> (18.08.2014).
- Кригер В.А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника. (Оренбургская область) // Советская археология. — 1983. — Вып. № 3.
- Пастушенко И.Ю. Доспех-бехтерец из Бартымского I селища // Вестник Удмуртского университета. — 2010. — Вып. № 3.
- Кулешов Ю. А. О позднем защитном вооружении народов Северного Кавказа // Военная археология. — М., 2008. — Вып. 1.
- Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования археологии Кубани. — Краснодар, 2003. — Вып. 3.
- Зеленский. Ю.В. Поножи из половецкого погребения в степном Прикубанье // Военная Археология. — М., 2008. — Вып. № 1.
- Шеляпина Н.С., Панова Т.Д., Авдусина Т.Д. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле // Советская археология. — М., 1979. — Вып. № 2.
- Чубинский А.Н. Предметы вооружения утраченные Оружейной Палатой XVII-XIX веках. Утраты мнимые и действительные // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18-20 мая 2016г. СПб., 2016. Ч. V.
- Гоняный М.И., Двуреченский О.В. Комплекс вооружения и снаряжения верхового коня конца XII-последней трети XIV в., происходящий с территории поселений, расположенных в верховьях Дона // Военная Археология. — 2010. — Вып. 3.
- Потёмкина Т.М., Кулешов Ю.А. Погребения восточноевропейских средневековых кочевников с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк, 2010. — Т. 8.
- Бобров Л.А. Железные ястребы Мавераннахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV-XVII в.) // Paqa-Bellum. — 2003. — № 1 (17).
- Кулешов Ю.А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. — 2010. — № 3.
- Ульянова Т.Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII-XVII в.) // Археология Подмоскovie. — М., 2008. — Вып. 4.
- Меньшиков М.Ю. Мастерская «бронника» на территории Можайского кремля // Археология Подмоскovie — М., 2008. — Вып. 4.
- Селивёрстов Д.А. «А ординци и делюи, а темь знати своя служба, како то было при нашемъ о(т)ци, при великомъ князи...» К вопросу об ориентализации московского войска середины XIV — начала XV веков // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. — Астана, 2012.
- Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич – один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 гг.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 291-325. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).
- Быков А.В. Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 594-612. <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

Несин М.А. Ответ на замечания Быкова А.В. изложенные в статье «Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»» и отзыв на статью Шиндлера О.В. «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 614-652. <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).

Панкратов А.Г. Павеза в комплексе русского вооружения // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18-20 мая 2016г. СПб., 2016. Ч. 1.

Каменский А.Н., Кулешов Ю.А. Защита конечностей в комплексе вооружения древнерусского воина (по материалам Великого Новгорода) // Сборник материалов Проблемного совета Военная археология при Государственном Историческом музее. — М.; Тула, 2014. — Вып. № 3.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2017/01/24/pankratov>

Ссылка для печатных изданий:

Панкратов А.Г. К развернувшейся дискуссии после выхода статьи О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV века» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. III. — С. 678-703 <<http://www.milhist.info/2017/01/24/pankratov>> (24.01.2017).

**Pankratov A.G. A discussion regarding O. Schindler's article on
"Change of the Russian Arms and Armor on the second part of the fifteenth century"**

Keywords: styles in arms and armor; orientalism; mail and plate armour; lamellar armour; defensive armor.

Author: Alexander G. Pankratov is a doctorate student at the Department of the Art History at the St.-Petersburg State University on Design and Technology. His research interest is on the Muscovy's arms and armor, from the fourteenth to the fifteenth centuries.

Email: pankrat_1410@mail.ru

References:

Schindler O.V. The modification of fashion: Russian armor in the second half of XVth century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. I. — P. 72-97 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

Kuleshov Ju.A. Oborot oruzhija v Zolotoj Orde [Arms trafficking in the Golden Horde] // Zolotoordynskaja civilizacija. Sbornik statej. — Kazan', 2014. — № 3.

Ivanov V.A. Vooruzhenie zolotoordynskogo vojska v istoricheskom i arheologicheskikh kontekstah: gde istina? [The armament of the troops of the Golden Horde in historical and archaeological contexts: where is the truth?] // Voennoe delo Zolotoj Ordy: problemy i perspektivy izuchenija. Materialy Kruglogo stola, provedennogo v ramkah Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Foruma (Kazan', 30 marta 2011 g.) — Kazan', 2011.

Medvedev A.F. K istorii plastinchatogo dospeha na Rusi [The history of plate armor in Russia] // Sovetskaja arheologija. — M., 1959. — Vyp. № 4.

Medvedev A.F. Oruzhie Novgoroda Velikogo [Arms Of Novgorod The Great] // Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. — M., 1959. — Vyp. № 65. — T. 2.

Dvurechenskij O.V. «Bronja krepka». Snarjazhenie russkogo voinstva v jepohu Kulikovskoj bitvy [The equipment of the Russian army in the era of the battle of Kulikovo] // «Rodina». — 2005. — № 12.

Schindler O.V. Classification of Russian body armor of the XVI century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2014. — Vol. V. — P. 417-486. <<http://www.milhist.info/2014/08/18/schindler>> (18.08.2014).

Kuleshov Ju. A. O pozdnem zashhitnom vooruzhenii narodov Severnogo Kavkaza [Late protective arms of the peoples of the North Caucasus] // Voennaja arheologija. — M., 2008. — Vyp. 1.

Blohin V.G., D'jachenko A.N., Skripkin A.S. Srednevekovye rycari Kubani [Medieval knights of the Kuban] // Materialy i issledovanija arheologii Kubani. — Krasnodar, 2003. — Vyp. 3.

Zelenskij. Ju.V. Ponozhi iz poloveckogo pogrebenija v stepnom Prikuban'e [Leggings of the Polovtsian burial in the Kuban steppe] // Voennaja Arheologija. — M., 2008. — Vyp. № 1.

Shel'japina N.S., Panova T.D., Avdusina T.D. Predmety voinskogo snarjazhenija i oruzhie iz raskopok v Moskovskom Kremle [Military accoutrements and weapons from the excavations in the Moscow Kremlin] // Sovetskaja arheologija. — M., 1979. — Vyp. № 2.

Gonjanyj M.I., Dvurechenskij O.V. Kompleks vooruzhenija i snarjazhenija verhovogo konja konca XII-poslednej treti XIV v., proishodjashhij s territorii poselenij, raspolozhennyh v verhov'jah Dona [The complex of armament and equipment of the rider's horse the end of XII-the last third of the XIV century and originating in the territory of the settlements located in the upper reaches of the Don] // Voennaja Arheologija. — 2010. — Vyp. 3.

Potjomkina T.M., Kuleshov Ju.A. Pogrebenija vostochnoevropskih srednevekovykh nomadov s zashhitnym vooruzheniem: jetnokul'turnyj i social'nyj aspekty [Eastern European medieval burials of nomads with defensive weaponry: ethnic, cultural and social aspects] // Stepi Evropy v jepohu srednevekov'ja. — Doneck, 2010. — T. 8.

Bobrov L.A. Zheleznye jastreby Maverannahra (kompleks zashhitnogo vooruzhenija voinov Srednej Azii i sopredel'nyh territorij konca XV -XVII v.) [Protective arms of the warriors of Central Asia and adjacent territories in the late XV-XVII] // Raga-Vellum. — 2003. — № 1 (17).

Kuleshov Ju.A. Proizvodstvo i import oruzhija kak puti formirovanija zolotoordynskogo kompleksa vooruzhenija [The manufacture and import of weapons as the way of the formation of the Golden Horde complex weapons] // Zolotoordynskaja civilizacija. Sbornik statej. — 2010. — № 3.

Ul'janova T. N. Vooruzhenie srednevekovoj Kolomny (XIII-XVII v.) [The medieval arms of Kolomna (XIII-XVII century)] // Arheologija Podmoskov'ja. — M., 2008. — Vyp. 4.

Selivjorstov D.A. «A ordinci i deljui, a tem' znati svoja sluzhba, kako to bylo pri nashem# o(t)ci, pri velikom knjazi...» K voprosu ob orientalizacii moskovskogo vojska serediny XIV — nachala XV vekov [To the question of orientalizing Moscow's troops of the XIV — beginning of XV centuries] // Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov. — Astana, 2012.

Nesin M. A thousand-man Chief Feodor Eliseevich – one of the Novgorod's war-lords during the 1435/36 Rzhev winter campaign as a leading character of the Novgorod's foreign policy and troop's organizer in the XV century [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2015. — V. VII. — P. 291-325 <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).

Bykov A. Response to O. Schindler's "The modification of fashion: Russian armor in the second half of 15th century" [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 594-612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

Nesin M. Response to A. Bykov's critical reply "On O. Schindler's article on 'Change of the Russian Arms and Armor on the second part of the fifteenth century'" and on O. Schindler's article proper "Change of the Russian Arms and Armor on the second part of the fifteenth century" [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 614-652 <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).

Pankratov A.G. Paveza v komplekse russkogo vooruzhenija [Pavese in the complex Russian weapons] // Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy. — 2016. — T. 1.

Kamenskij A.N., Kuleshov Ju.A. Zashhita konechnostej v komplekse vooruzhenija drevnerusskogo voina (po materialam Velikogo Novgoroda) [Protection of the extremities in the complex weapons of the ancient warrior (on the materials of Veliky Novgorod)] // Sbornik materialov Problemnogo soveta Voennaja arheologija pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee. — M.; Tula, 2014. — Vyp. № 3.

Internet link:

<http://www.milhist.info/2017/01/24/pankratov>

Reference:

Pankratov A.G. A discussion regarding O. Schindler's article on "Change of the Russian Arms and Armor on the second part of the fifteenth century" [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2017. — Special edition V. Great stand on the Ugra river. — Vol. III. — P. 678-703 <<http://www.milhist.info/2017/01/24/pankratov>> (24.01.2017).

А. Г. Панкратов

К РАЗВЕРНУВШЕЙСЯ
ДИСКУССИИ
ПОСЛЕ ВЫХОДА СТАТЬИ
О. В. ШИНДЛЕРА
«СМЕНА ДОСПЕШНОЙ
МОДЫ НА РУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XV века»

Вопросы, касающиеся существования определенных типов защитного снаряжения на территориях княжеств и других государственных образований средневековой Руси, в настоящее время являются весьма актуальными для дискуссии, связанной с уровнем ориентализации отечественного войска. Свой интерес выразил и О.В. Шиндлер, представив некоторые суждения, основанные на исследованиях дореволюционного, советского и нынешнего времени в очерке «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV века», появившемся в 2015 г.¹ Необходимо сразу отметить, что автор, обозначая два направления развития «доспешной моды» и условно выделяя новгородскую и московскую региональные школы защитного вооружения, не так уж неправ. На наш взгляд, не стоит сильно заострять внимание на употреблении автором данных броских словосочетаний. Смысл и проблематика вопроса останутся неизменными, обратись мы и к какому-либо другому термину, нежели «доспешная мода». Важно отметить, что большинство сюжетов битв между Москвой и Новгородом, доведенных до нашего внимания летописцами, повествуют о том, что новгородцы и москвичи вели боевые действия самыми различными способами. Это подразумевает очевидную разницу в тяжести и непроницаемости защитного вооружения. Не будем упускать из виду и того обстоятельства, что О.В. Шиндлер следовал в русле взглядов классика современного отечественного оружиеведения, крупнейшего

специалиста по вооружению древней Руси, доктора исторических наук, профессора А. Н. Кирпичникова. Последним в далеком 1977 г. в монографии «Военное дело на Руси» было упомянуто более легкое снаряжение «*низовских полков*»², что, вероятно, можно расценивать как наличие у автора соображений о некотором региональном разделении комплексов вооружения. Правда, впоследствии большая совместная статья А. Н. Кирпичникова и А. Ф. Медведева «Вооружение», вошедшая в состав сборника «Древняя Русь. Город, замок, село» из серии «Археология СССР», увидевшая свет в 1985 г., характеризует русское вооружение уже достаточно развитым и не разделенным на «региональные школы», «...развивающимся на единой основе, заложенной в предшествующий период истории русского народа»³.

Но вернемся к работе О. В. Шиндлера. Рассматривая традицию формирования комплекса защитного вооружения Древней Руси, автор вновь, к нашему сожалению, как и многие другие, еще дореволюционные исследователи, возвращается к устоявшейся концепции периодизации, обозначающей сначала эпоху кольчатого доспеха (так называемая «норманнская доспешная мода»). Затем выделяются XIII–XV вв. — эпоха пластинчатого доспеха, рассматриваемая в разрезе параллельного влияния, оказываемого на русский доспех, опять же исключительно в европейской и монголо-татарской традиции⁴. Временной отрезок с XV по XVII века О. В. Шиндлер называет эпохой кольчато-пластинчатых, зеркальных и мягких доспехов, объявляя ее «мусульманской». Согласно предположению автора, почему-то именно Московско-Владимирский регион скорее всех заимствовал восточные доспехи благодаря постоянным контактам с Золотой Ордой, хотя очевидно активное военно-политическое взаимодействие с ордынцами у Твери и Рязани. При этом автор акцентирует внимание на нескольких аспектах взаимодействия с ордынцами воинов Московской Руси: территориальной близости Великого княжества Московского к татарским ханствам, вассальной обязанности выставлять воинов для участия в походах, возможных требованиях ордынцев к русским иметь доспехи, отвечающие непосредственно их условиям ведения войны⁵. Последнее представляется несколько спорным положением, так как известно о весьма умеренных требованиях для защитного вооружения у самих монголов, в частности, если судить по «Уложениям Тимура»⁶. Накопление

археологических данных по защитному вооружению, встречающемуся в захоронениях кочевников последних десятилетий, косвенно подтверждает данные обстоятельства: защитным снаряжением обладала весьма немногочисленная прослойка степных воинов⁷. С известным допущением можно быть уверенными, что монголы не занимались массовым одоспешиванием своих данников, которые, в свою очередь, имели большую привычку к своему исконному вооружению. Верной представляется концепция усвоения монгольских навыков ведения боевых действий при участии русских воинов в походах монголо-татар: они происходили постоянно с момента установления на Руси ордынского ига, корни взаимообмена военных культур прослеживаются с самого раннего времени. Можно, например, вспомнить показательный выезд Даниила Галицкого. О. В. Шиндлер, опираясь на мнение М. В. Горелика и Л. А. Боброва, высказанное ими исключительно об Иране, придает ламеллярам и ламинарам монгольскую атрибуцию. Появление и исчезновение их «...как в глазах мусульманских стран Ближнего Востока, так и православной Руси» связывается им с монгольским завоеванием: «Освобождение от монгольского владычества вполне естественно повлекло за собой исчезновение монгольских доспехов». При этом чешуи ламеллярного доспеха известны на территории Древней Руси с XI в.⁸

На наш взгляд, в искусственном историческом прецеденте, созданным О. В. Шиндлером — отказе от ламелляров, видится надуманная гипотеза. Действительно, ламеллярные доспехи как бы активизируются в канун монгольского нашествия. Но, судя по археологическим находкам фрагментов пластинчатого доспеха в Новгороде, представленным еще в работах А. Ф. Медведева, пластины ламеллярно-чешуйчатого соединения не были отвергнуты и вполне употреблялись в XV в.⁹ Не исчезло подобное пластинчатое снаряжение и в Псковской республике. Оно остается в употреблении на протяжении XIV–XV вв. Несмотря на включение Пскова в Московское государство, переселение богатых псковских семей и появление московских служилых людей, современная археология Пскова демонстрирует обилие разнообразных пластин и практически полное отсутствие кольчужной ткани¹⁰.

Как именно изменялось доспешное снаряжение с установлением монгольского господства и изменялось ли в принципе, какие процессы влияли на возможные перемены в так называемой «доспешной

моды» — ответы на подобные вопросы только в общих чертах могут быть даны в результате подробного изучения нескольких монографий по военному делу, торговым отношениям и железоделательному ремеслу Древней Руси XIII–XV вв. Некоторые шаги в исследовании этих вопросов предприняли в последнее время современные специалисты, занимавшиеся после А. Н. Кирпичникова разработкой данной темы. Так, например, О. В. Двуреченский на основании археологического материала не отмечает перестроения в XIV в. русского доспеха на восточный манер¹¹. Им отмечен мгновенный скачок в сторону ориентализации войска лишь во второй половине XV в.¹² Придерживались этих взглядов и К. А. Жуков с Д. С. Коровкиным, отмечавшие в монографии «Всадники войны. Кавалерия Европы»¹³, что пик ориентализации пришелся именно на конец XV в.

Однако, несмотря на ряд авторитетных мнений, на сегодняшний день действительно стоит усомниться в резкой смене «доспешной моды» в Владимиро-Суздальском регионе именно в середине — конце XV в. В этом мы разделяем точку зрения А. В. Быкова, высказанную им в его отзыве на работу О. В. Шиндлера¹⁴. Гипотезу о уже некоей закономерно ранней ориентализации войска московских земель начал блестяще разрабатывать Д. А. Селиверстов¹⁵. Добавим к этому несколько собственных замечаний. Безусловно, процесс, влияющий на «доспешную моду», должен был быть достаточно протяженным и обусловленным различными подъемами и срывами. Пики подъема можно связать с какими-либо значительными «вбросами» — закупками, изготовлением партий местных образцов, трофейными поступлениями оружия. Срывы — с экономическими кризисами, в которых оказывались московские земли, когда вряд ли что-то широко производилось, переделывалось или ремонтировалось (например, сразу после взятия Москвы Тохтамышем). Так, можно зафиксировать значительное обогащение русских воинов трофеями, в том числе защитным вооружением восточного производства, после Куликовской битвы: «*Уже руския сынове разграбиша татарская узорочья, доспехи* (выделено нами. — А.П.) *и кони...*». Но и до битвы на Куликовом поле, безусловно, должно было произойти знакомство русских с восточными доспехами. На основании сообщений «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому списку можно представить некую оснащенность ими войска Дмитрия Ивановича уже накануне битвы:

«Чюдно стязи стоять у Дону великаго, паиются хоругови берчати, светятся калантыри злачены». Стоит заметить, что по поводу возможности употребления «калантырей» в конце XIV в. в российской историографии ведется активная полемика, связанная со временем написания древнерусских литературных произведений, посвященных Куликовской битве. Самым ранним из них считается Кирилло-Белозерский список «Задонщины». Прочие 5 списков, как доказано, относятся к XVI–XVII вв. Также некоторая информация о доспешной лексике Древней Руси содержится в «Сказании о Мамаевом побоище»: *«Русские оудальцы... доспѣхи имеютъ велми тверды, злаченые колантыри»*¹⁶.

По мнению В. Л. Виноградовой, в обоих упомянутых произведениях о Куликовской битве «злаченые колантыри» — термин, неприменимый к оружию XIV в., а навеянный более поздней эпохой — XVI–XVII вв.¹⁷ С взглядами В. Л. Виноградовой в свое время не согласился Л. А. Дмитриев, указавший, что Кирилло-Белозерский список «Задонщины» (где у русских воинов отмечаются «злачены калантыри») заставляет говорить о более раннем возникновении термина — не позже середины XV в.¹⁸ А. Н. Кирпичников вообще не видит препятствий соотносить «калантыри» с эпохой Дмитрия Ивановича Донского, опираясь, вероятно, на время написания «Книги побед»¹⁹.

В настоящее время к данному вопросу строго подошел О. В. Шиндлер, определяя датой первого упоминания о калантырях по Кирилло-Белозерскому списку «Задонщины» 1470 г.²⁰ Распространение калантырей на Руси автор считает «мизерным», вероятно, разделяя мнение В. Л. Виноградовой. Хотя упоминание калантарей в «Задонщине», а затем в «Сказании о Мамаевом побоище», скорее всего, говорит о том, что перед нами архаическое наименование кольчато-пластинчатого доспеха, издревле использовавшегося на Руси, свидетельств о котором в силу его древности сохранилось мало. Действительно, в 1552 г. во время Казанского похода в позолоченный «калантырь» облачается сам Иван IV Грозный²¹, по-видимому, следуя прадедовской традиции «одоспешивания» и становясь олицетворением боевой славы предков, препоясываясь при этом, между прочим, мечом, а не саблей, что еще раз косвенно указывает на древность всего вооружения, в которое царь облачается перед боем. Изображается он в своем калантаре, кажется и на монетах²².

Возвращаясь к мнению В. Л. Виноградской, необходимо отметить присутствие в более позднем литературном произведении Куликовского цикла — «Сказании о Мамаевом побоище» — именно термина «*колантырь*», а не «*бехтереца*» или «*юмшана*», также, безусловно, известных авторам и редакторам произведений Куликовского цикла в середине XVI века. Все-таки очевидно, что работавшие над «Сказанием...» знали о древности «*калантырей*» и специально упомянули именно этот род доспеха. Вместе с тем археологические данные подтверждают письменные свидетельства: среди околорусских кочевнических древностей характерные восточные кольчато-пластинчатые доспехи известны для второй половины XIV в., а находки, соотносимые с интересующим нас временным отрезком, о которых на данный момент можно говорить с достоверностью, были обнаружены в московских землях.

Отечественной историографией приводится несколько сообщений об археологических находках ранних кольчато-пластинчатых защитных систем. Н. И. Веселовским в 1903 г. в курганном погребении у станицы Усть-Лабинская (Кубань) были найдены фрагменты кольчато-пластинчатой брони из пластин размером 7х4 см, соединенных между собой кольцами, сохранившимися в отверстиях пластин²³. находка была отнесена ко времени не позднее второй половины XIV — началу XV вв.

Опознается пластинка с продетыми через отверстия кольчужными кольцами как фрагмент кольчато-пластинчатой защитной системы среди вещей средневекового погребения в составе Ново-Кумакинского могильника²⁴. Общий характер погребений и сопутствующие вещи позволили отнести находку к началу — середине XIV в. Сохранившиеся фрагменты пластин, предположительно находившихся в составе кольчужного плетения, были крайне невелики — около 3х3 см.

Также фрагментами кольчато-пластинчатого доспеха, атрибутируемого автором как «*бехтерец*», являются металлические пластинки с кольчужными кольцами, найденные на территории Бартымского I селища, в слоях, соотносимых с золотоордынским временем²⁵. Однако, как известно, классический «*бехтерец*» традиционно набирался из небольших узких пластинок, вместе с тем большинство пластин из Бартымского селища — квадратные.

Как именно располагались пластины в доспехе из Бартымского I селища, были ли они разнесены в поле доспеха или накладывались друг на друга, точно на сегодняшний день сказать нельзя.

Иллюстрацией к подобного рода защитным системам может служить кольчато-пластинчатая защита у боевого наголовья, найденного в Аргунском ущелье в районе дислокации Итум-Калинского погранотряда (республика Чечня). По мнению Ю. А. Кулешова, обнаружившего находку, кольчато-пластинчатый фрагмент, выполняющий роль бармицы, изначально мог являться частью корпусного доспеха²⁶. В данном случае на основании конструкции данного позднего доспеха можно наблюдать, как именно небольшие квадратные пластинки сочетались между собой и с кольчужным плетением.

Вещественные материалы, сопровождавшие находку пластин и их фрагментов с присоединенными кольчужными кольцами из Бартымского селища, дали основания датировать эти предметы началом XIV в., что, конечно, вызывает определенные сомнения в столь раннем существовании кольчато-пластинчатой системы. С другой стороны, попытки соединить в доспехе преимущество гибкого кольчужного плетения с жесткими пластинами можно действительно предположить уже в начале XIV в., судя по широчайшему периоду датировки поножей (XII–XIV вв.) с присоединенной кольчужным переходником пластиной из половецкого погребения 2 кургана 1 Дмитриевского могильника²⁷. (В дальнейшем Ю. В. Зеленский сузил этот период до второй половины XIII–XIV вв.²⁸, что в целом не противоречит датировкам фрагментов доспеха из Ново-Кумакинского могильника и с территории Бартымского I селища.)

Кроме этого, в отечественной историографии имеется еще два значительных сообщения о находках кольчато-пластинчатых доспехов на территории Руси, в московских землях. А. Ф. Дубынин в 1959 г. обнаружил 200 пластин с обрывками кольчужного плетения при раскопках в Зарядье, относящихся, по его мнению, к XIV–XV вв. Размеры пластин составляют 70x20 мм²⁹.

Вторая значимая находка доспеха, имеющего отношение к кольчато-пластинчатым системам, была сделана в 1975 г. на Ивановской площади в Москве. На глубине около 4 м от уровня современного мощения при земляных работах был найден железный кольчато-пластинчатый доспех-бахтерец, представляющий собой сильно коррозированные

и спекшиеся куски металла, покрытые синей патиной. По стратиграфии и керамическому материалу культурный слой датируется XV–XVI вв. Легко реконструируются правая часть груди и правый рукав доспеха. Значительно хуже сохранилась кольчужная сетка спины. Бахтерец имел квадратный вырез ворота и короткие прямые рукава длиной 15 см. Грудь и спина доспеха усилены расположенными вертикально в несколько рядов выпукло-вогнутыми пластинами прямоугольной формы из сталистого железа, заходящих одна на другую снизу вверх. Ряды пластин скреплены между собой при помощи двойных уплощенных колец. Восстанавливается часть центрального ряда пластин и три ряда правой стороны груди. Подол заканчивался сохранившимся фрагментарно кольчужным подзором шириной 16 см³⁰.

В одном из недавних исследований О. В. Шиндлера были сделаны попытки выделить отличительные признаки «калантырей». Так, основным отличием может считаться отсутствие наложения пластин друг на друга, то есть их вплетение в кольчужное полотно со всех сторон³¹.

Таким образом, по мнению О. В. Шиндлера, в ГИМе хранится единственный калантырь № 68257³², имеющий «калантырное» соединение пластин и представляющий собой кольчугу с рукавами ниже локтя и вплетенными девятью пластинами. Эти особенности, вероятно, в свое время послужили причиной для М. М. Денисовой, опиравшейся на данное А. В. Висковатовым определение «калантыря» как безрукавного доспеха, причислить данный экземпляр к бахтерцам³³.

Наиболее раннее упоминание калантыря вне цикла литературных произведений, складывающихся вокруг Куликовской битвы, находится в перечневой росписи царской казны 1647 г.: «Калантырь стальной, доски прорезные». Упоминаются «прорезные доски» у калантыря и в 1687 г.³⁴ Подобные несоответствия описанию А. В. Висковатова дали повод А. Н. Чубинскому провести небольшое исследование, в процессе которого выяснилось, что данное Висковатовым определение калантыря не совсем корректно, и вряд ли последний видел его воочию, а, скорее всего, основывался на какой-то легенде. В результате был сделан весьма основательный вывод, что «колонтарь... представляет собой трудноопределяемую вариацию кольчато-пластинчатого доспеха, и у нас нет оснований для выделения особого типа русского защитного вооружения под таким названием»³⁵. Термин «колонтарное плетение»

применительно к кольчато-пластинчатому доспеху также представляется А. Н. Чубинскому неудачным, так как, судя по описанию, металлические пластинки колонтаря располагались плотными вертикальными рядами, соединенными между собой панцирной сеткой подобно бахтерцу³⁶. Как видно, представленные выше археологические данные подтверждают мнение А. Н. Чубинского.

Сам термин «калантарь», судя по первому сообщению профессора А. Н. Кирпичникова, проливающим свет на происхождение этого «загадочного древнерусского вида доспеха»³⁷, повторившего за ним О. В. Шиндлера³⁸, опирающегося на данные, приведенные Шерефом ад Дином Йезди в «Книге побед» (1395–1396 гг.), также имеет среднеазиатское — персидское или таджикское происхождение: «Когда Омар-и-Табан, один из слуг Тимура, который согласно приказу занимался управлением Хаджи-тархана, заметил проявление враждебности со стороны тамошнего старшины (калантар) Мухаммеда и доложил об этом у подножия высочайшего трона...»³⁹. И другой отрывок: «Милость царская простерлась на них, и он (Тимур), проведя черту прощения по спискам преступлений их, пожаловал всем халаты и подарки и дал позволение вернуться в свои места, чтобы они сообщили своим старшинам (калантар)...»⁴⁰. Согласно глоссарию этой книги, «калантар» в переводе с персидского — старейшина племени, предводитель; старейшина (административный чиновник), купеческий старшина.

Таким образом, усиленная пластинами кольчуга, защищавшая крупного феодала, состоятельного человека в среднеазиатских государствах, обрела на Руси свое наименование. Впрочем, когда именно вошел в употребление этот термин и сам подобный кольчато-пластинчатый доспех, в настоящее время остается неразрешенным вопросом. Следуя логике постепенной эволюции различных средств защиты, безусловно, должна была существовать отдельная категория ранних кольчато-пластинчатых систем, к которой можно было бы применить данный термин. В их существовании среди околорусских курганных древностей в конце XIV в. нас убеждают археологические находки, рассмотренные выше. Следовательно, весьма вероятно аутентичность сообщения о «золоченых колантырях» по Кирилло-Белозерскому списку «Задонщины» для эпохи Дмитрия Донского.

Весьма показательна «ориентализированно» вооружение войск Рязанской земли, расположенной ближе к Степи, чем московские земли. Так, например, по сообщению Никоновской летописи от 1372 г., в перечне вооружения воинов Рязани названы только сабли, щиты, доспехи, стрелы и кони⁴¹, при том в 1371 г. во время битвы при Скорнице ратники этого княжества пользовались арканами, очевидно, по примеру их степных соседей, чем вызвали недоумение московского летописца, со своей стороны прибегнувшего к издевкам⁴². К середине XV в. (1444 г.) летопись прямо упоминает легковооруженных рязанских воинов: «...казаки рязаньския... с сулицами, и с рогатинами и с саблями...»⁴³. И хотя Никоновская летопись была составлена много позднее этих событий, содержащаяся в ней информация вполне согласуется с вещественными источниками.

Археологические исследования последних лет подтверждают наличие подобного легкого «южнорусского» набора вооружения, бытовавшего в верховьях Дона — исключительно фрагментов кольчуг, сабель и наконечников стрел⁴⁴. Предположительно на этих территориях подобный набор вооружения использовался выходцами из Пронского княжества, стремившегося расширить свой ареал влияния далее на юг с конца XII в. и повторно заселившего эти территории в XIV в.⁴⁵ Также необходимо отметить, что в XIV в. периферия этого края обладала собственными возможностями производства оружия: «В подъемном материале этих поселений были встречены находки, свидетельствующие о местном железоплавильном и кузнечном производстве, при археологических работах установлено, что не менее десяти из них относятся непосредственно к данной отрасли ремесла»⁴⁶. Таким образом, можно говорить о том, что представители местного производства были способны изготавливать собственные необходимые им доспехи — местный комплекс защитного снаряжения был обусловлен не бедностью или отсталостью, а продиктован необходимостью противодействовать подвижным легковооруженным степнякам. Так, например, предание связывает доспех князя Олега Ивановичем Рязанским с простой кольчугой⁴⁷. Монголы также, как правило, имели легкие доспехи и были вооружены легче, чем, например, представители Ирана (об этом говорят даже реконструкции в научно-популярных работах М. Горелика, известного апологета превалярирования монголо-татарского вооружения над всеми прочими).

На периодическую бедность золотоордынского вооружения, выраженную в недостатке защитного снаряжения обращает внимание Ю. Кулешов в работе «Оборот оружия в Золотой Орде», реализуя возможность даже отследить периоды, связанные с правлениями сменяющих друг друга ханов Улуса Джучи, когда из ужасающей современников бедностью орды с деревянными стременами и уздами из веревки золотоордынцы выправлялись в более или мене оснащенное войско⁴⁸. Репрезентативную выборку степных латников недавно подвергли исследованию Т.М. Потемкина и Ю.А. Кулешов⁴⁹. И хотя их работа была посвящена интерпретации обряда трупоположения, ими отмечено, что из 1960 комплексов половецко-золотоордынского времени только 8,2% представляют собой погребения с доспехами, а пластинчатых доспехов среди них вообще не отмечено. На катастрофическую бедность защитного комплекса вооружения указывает недавняя работа В.А. Иванова «Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологических контекстах: где истина?», лишь 1,8% степняков были погребены с доспехом, при этом автором были изучены 1022 захоронения⁵⁰! В.А. Иванов обращает внимание и на наивность реконструкции ордынского вооружения, сравнивая данные археологических и изобразительных источников. Знаменитые иранские миниатюры при всем их великолепии никак не соотносятся с вооружением Золотой Орды, и едва ли можно найти археологическое подтверждение реалистичности изображения большого количества воинов, одетых в пластинчатую броню. Пластинчатое снаряжение (ламелляры, кюяки) более характерно для Шираза, Герата, Бухары, Кашгарии, и то при всей мощности их производственной базы («*А булат выходит к нам из индийского государства, а пацери из Черкасс...*») значительное количество воинов оснащается доспехами из органических материалов⁵¹. Комплекс вооружения, описанный в знаменитом отчете Плано Карпини и включающий ламеллярные и ламинарные доспехи, являясь очевидно представляющим характерный чжурженский комплекс вооружения, оказался к рубежу XIII и XIV веков утрачен⁵². Неудивительно, что жители Рязанской земли, проживая по соседству с легковооруженными степняками, сами часто пользовались легким вооружением. Особенно это касается приграничных Степи районов.

Другое дело, что вооружение центральных поселений Рязанской земли демонстрирует все же приближенность к своеобразной

общерусской метрополии. Об этом говорят редкие «европейские находки»: пластинки от клепано-пришивных панцирей⁵³, значительное число наконечников копий и сулиц, мечи и боевые топоры⁵⁴. Известно участие *«бояр рязанских»* в Куликовской битве на стороне московского войска. Вероятно, тяжесть защитного снаряжения рязанцев зависела от достатка и категории военного сословия, решавшего определенные тактические задачи в сражении — княжеское окружение могло защищаться максимально тяжело в рамках известного комплекса вооружения, присущего русским воинам.

Характерна данная тенденция и для ряда московских земель: там известны археологические находки пластинчатого снаряжения в самой Москве⁵⁵, Коломне⁵⁶, Можайске⁵⁷, Владимире⁵⁸. Крупная часть доспеха — наплечник или наколенник, выполненная в клепано-пришивном «стиле», происходит из Москвы, так называемого «Ильина сруба», и датируется весьма поздним временем — XVI в.⁵⁹

Здраво рассуждая, можно предположить многообразие доспешного вооружения у воинского сословия Москвы. В XIV в. в московские земли часто отъезжают на службу крупные феодалы со своими дружинами и, надо полагать, со своим вооружением. В начале XIV в. на службу прибывает черниговский боярин Федор Бяконт. В 1332 г. в Москву переезжает киевский вельможа Родион Нестерович с сыном Иваном и двором численностью в 1700 человек. В 70-е годы на службу в Москве переходит Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. Вооружение, которое эти князья и бояре могли приносить в новый центр русских земель, можно охарактеризовать примером князя Ивана Бабы Дрютского, в 1435 г. поступившего на службу к великому князю московскому со своей дружиной, *«...изрядив свой полк с копыи по-литовски»*⁶⁰.

Вместе с тем на сегодняшний день действительно выделяются предпосылки использования восточного вооружения на основании связей политической элиты Московского княжества с Золотой Ордой с самого раннего времени. Сабли, а не мечи, известны как представительское наступательное вооружение в духовных завещаниях и на изображениях московских князей⁶¹. Великие князья всеми силами старались обеспечить превосходство своего войска и развить все необходимые качества для обеспечения военных успехов: мобильностью, возможностями обеспечить предварительные потери противника еще до начала

плотной рукопашной схватки при помощи лучного боя, а также неким набором защитного вооружения, лучному бою не мешающему. Немаловажным фактором, влияющим на тяжесть снаряжения, была возможность осуществлять внезапные рейды, в которых чрезмерная тяжесть доспеха являлась помехой для конного войска. Защитное вооружение, не позволяющее утратить мобильность, но вместе с тем обеспечивающее достаточную защищенность, изначально должно было воспрепятствовать массовому оснащению московского войска по образцу тяжелых «кованных ратей», а победы, добытые в дальнейшем, должны были укрепить мнение московского военного сословия в правильности выбранной ими «школы» вооружения — постепенному отказу от классических пластинчатых доспехов на подоснове, переход к кольчато-пластинчатым доспехам, «личным зеркалам».

Немалую роль играло, вероятно, желание московского войска походить на своих страшных союзников — монголо-татар, в ходе военных столкновений. Помня обычай отряжать монголами войска в помощь великому князю всея Руси, соперники Москвы должны были быть уstraшены видом московского войска, приняв московских воинов за татар. Восточное оружие являлось, вероятно, признаком престижа, богатства, успешности владельца. Высоко цениться мог труд русских мастеров — оружейников, угнанных в Золотую Орду, в неволе передающих традиции оружейного мастерства из поколения в поколение⁶². Скорее всего, состоятельные люди военного сословия московских земель охотно приобретали доспехи и оружие восточного производства. Этим, вероятно, и обусловлено восприятие вооружения автором «Задонщины», с гордостью сообщающего о «шеломах чиркасских». Определенную роль в насыщении войска должны были сыграть золотоордынские пожалования оружия, но таких свидетельств сохранилось очень мало⁶³. Комплекс защитного вооружения московских земель конца XIV — начала XV в. вызывает огромный интерес в связи с развитием процесса ориентализации, но, к сожалению, приходится констатировать практически полное отсутствие необходимой информации из достоверных источников, восполнимой лишь догадками на уровне научной гипотезы. Неясно, в какой степени может освещать обстановку с обеспечением доспехами для XIV — середины XV в. информация весьма позднего времени из росписи десятен,

как это предлагает Т.Н. Ульянова⁶⁴. Этот комплекс вооружения, очевидно, все-таки отличен от вооружения XIV и XV вв. Напомним, что пример одоспешности городского полка Коломны, известного по десятне Коломенского уезда за 1577 г., демонстрирует наличие доспехов у 163 коломничей из 279 человек. Из них только один был в зеркале, двое имели пластинчатые доспехи, одного человека защищали наручи, трое были «тегиляях»⁶⁵. Можно высказать предположение, что вооружение Коломны, являющейся изначально рязанской землей, имело специфические черты, характерные для легкого «южнорусского» комплекса вооружения. Немного тяжелее были снаряжены воины Серпухова. Данные Серпуховского смотра, как известно, демонстрируют на 200 воинов, имевших металлическую броню, приходилось 18 кольчато-пластинчатых доспехов⁶⁶.

Таким образом, привлекая данные нарративных источников и археологический материал, а также опираясь на исторические исследования последних лет, значительная часть московского войска видится нам уже в конце XIV в. в достаточной степени «ориентализированной», а ко времени завоевания Новгорода число защитных элементов, относящихся к подвижному доспеху, калантырям и кольчугам, безусловно, должно было увеличиться.

В настоящий момент, на наш взгляд, достоверно невозможно установить истинную причину поступка, вызвавшего оживленную дискуссию, согласно сообщению о котором после битвы в Коростыни в 1471 г. трофейные доспехи новгородцев подверглись беспрецедентному уничтожению москвичами: «*А доспехи снимающе в воду метаху, а инии огню предаша, не бяху им требе, но всем своим довольны бяху...*». Но порассуждать на эту тему кажется довольно интересным. Вполне возможно, что летописец преувеличивает, рассказывая о нескольких частных сюжетах. Однако, если действительно имело место массовое уничтожение новгородской брони, это могло быть связано в первую очередь, не с ее передовыми европейскими особенностями, а с неудобностью каких-то элементов защиты, которые «огню предаша», и «громоздкостью» традиционного тяжелого новгородского защитного снаряжения, известного по данным иконографии и археологии: длиннорукавных кольчуг, чешуйчатых панцирей, бригантин, кольчужных чулок, не очень удобных и ненужных для маневренного

конного лучного боя и отстающих в плане удобства от комбинированных кольчато-пластинчатых доспехов, «булатных байдан». Надо отметить положительные стороны новгородского снаряжения. В битве под Русой 1456 г. новгородские доспехи невозможно было пробить стрелой. Москвичи с казанцами были вынуждены обстреливать коней новгородцев. Очевидно, речь шла о пластинчатых доспехах, из которых самой надежной представляется клепано-пришивная на подоснове система.

Действительно, архаичные чешуйчато-ламеллярные панцири и клепано-пришивные доспехи, в которые, по-видимому, были облачены небогатые представители новгородской судовой рати, оказались неудобны для конного лучного боя. Для прояснения данного вопроса целесообразно обратиться к миниатюрам лицевой Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи. Воины в доспехе, представленные на данных миниатюрах, часто ведут лучный бой, но при этом отчетливо прослеживается тенденция к ведению подобного боя без доспехов и шлема, как только для этого предоставляется возможность. Стрельцы в гражданской одежде изображены 15 раз, среди них есть люди, использующие лук в боевой ситуации, укрывшись за спинами тяжеловооруженных воинов. Незащищенные люди также часто стреляют из крепости. Воины в доспехах используют лук 22 раза, видимо, это так называемые «универсалы». Являясь реконструктором с семнадцатилетним стажем, неудобство стрельбы из лука в кольчуге с рукавом «до локтя» и «ниже локтя» могу подтвердить лично: тетива бьется о кольчужный рукав, повреждается о кольца кольчуги. На последнем мероприятии, связанном с реконструкцией средневекового сражения, где пришлось много стрелять из лука в доспехе, болтающийся рукав кольчуги «ниже локтя» настолько беспокоил меня, что в перерывах между «боевыми действиями» я вынужден был вывернуть его наизнанку, подтянув к плечу и подвязав! Понятно, что при использовании кольчуги с «короткими» рукавами длиной не далее середины плеча подобного не происходит. Известен ряд загадочных кольчужных броней, имеющих «короткие рукава», по описям оружия С. Д. Шереметьева и Оружейной Палаты Московского Кремля. Таким образом, можно предположить, что при Коростыни брони даже с рукавами чуть ниже локтя вполне могли не устраивать москвичей. Возможно, москвичей и казанцев, обладавших «бойданами булатными», могло также не устраивать качество

исполнения кольчужных броней новгородцев или их вес. Переделывать новгородские доспехи москвичам было некогда, они поспешили в Русу на встречу со второй новгородской ратью⁶⁷ (точную информацию о времени и месте высадки которой, надо полагать, получили от пленников, согласившихся друг друга калечить на потребу победителей)⁶⁸. При этом, как отметил М. А. Несин со ссылкой на мнение В. В. Пенского и собственные подсчеты скорости передвижения московского войска, брать с собой трофейные доспехи москвичам было неудобно, поскольку они не имели с собой большого обоза, а возможно, и вовсе шли без него⁶⁹.

Интересно отметить, что в доспехе с пластинчатыми рукавами продуманный вырез для руки способствует более комфортной стрельбе из лука, чем кольчужные рукава «до локтя» и «ниже локтя». Именно пластинчатый доспех, по мнению А. Н. Кирпичникова, в основном показан на воинах Радзивилловской летописи. Часто мы сталкиваемся с другими неудобствами при стрельбе: одетому в пластинчатую броню воину, особенно облаченному в чешуйчато-ламеллярный доспех, мешают оторочки проймы доспеха, неудобно поворачиваться в седле и нагибаться, чтобы вести конный лучный бой. Не очень сгодились бы для конного лучника так называемые «шатровидные бацинеты» — шлемы с подпрямоугольным вырезом для лица, ограничивающие боковой обзор. «Восточные» шлемы данного периода зачастую не имеют даже выкружек для глаз, то есть обладают прямым обрезом, связанным с обеспечением максимального обзора в ущерб глубокой посадке на голове, обеспечивающей, конечно, лучшую защиту.

Необходимо, на наш взгляд, заметить, что способ уничтожения доспехов совсем не является гарантией того, что именно матерчатые и кожаные доспехи сожгли, а металлические утопили. Вопрос с употреблением стеганой и стегано-набивной защиты на Руси до конца не разрешен. Занимательным, но в данном случае незавершенным, выглядит предположение А. В. Быкова о том, что стремление уничтожить доспехи связано с желанием обезопасить себя от их повторного использования неприятелем⁷⁰. Как заметил М. А. Несин, согласно летописи, москвичи уничтожили все доспехи пленников⁷¹ и при этом остались «...*всем своим довольны бяху*»! Почему ценные трофейные доспехи не спрятали, хотя бы часть их? При этом неясно — почему

что-то жгли, а что-то зачем-то утопили? В общем-то пережечь могли действительно и железное снаряжение: подоснова чешуйчатых доспехов сгорела бы, перегорели бы и ремни и шнуры ламеллярно-чешуйчатых панцирей, что, безусловно, обезвредило бы данные виды доспеха, превратив их в груды обгоревших пластин, которые впоследствии можно было использовать как сырье и даже, возможно, восстановить в доспех заново. Определенное беспокойство должны были вызывать шлемы: даже после помещения в огонь их все же могли использовать, несмотря на то, что в костре подшлемники и ремни бы сгорели, а бармица — отсоединилась. Скорее всего, эту часть доспехов «метали» в воду. Вместе с тем напрашивается естественный вывод, что жгли что-то деревянное. Хорошо горят щиты, и, скорее всего, жгли какие-то специфического вида щиты, ненужные москвичам. На одной из новгородских вечевых печатей изображен воин с большой пехотной павезой и копьем⁷². Вероятно, если бы подобные типы щитов достались москвичам, они точно не могли бы найти применения среди конного войска, оруduющего по преимуществу луком. Какие-то загадочные кожаные элементы защитного снаряжения вместе с тем известны — это пресловутые *ruschen Armledir* (русские наплечники), упомянутые в Мариенбургских счетных книгах около 1400 г.⁷³

То есть, скорее всего, стиль боя, исповедуемый москвичами, исключал использование каких-то доспехов, употребляемых новгородцами. При этом корректным будет не отвергать версию, что новгородцами действительно применялись какие-то элементы европейского снаряжения. Археология Великого Новгорода дает нам представление о некоем наборе европейского защитного снаряжения. Это несколько деталей от бригантинных перчаток⁷⁴, правда, относящихся к раннему времени, пластины от бригантинных панцирей из Новгорода⁷⁵ и его пригородов и, наконец, фрагменты клепано-пришивных доспехов, имеющих широкое общеевропейское употребление. Характерные европейские боевые наголовья внятно прослеживаются в новгородских изобразительных источниках — иконах, печатях и фресках. Так, например, мы считаем, что на новгородской печати Людина конца изображен воин в бацинете, бацинетами же защищены воины на иконе «Битва новгородцев с суздальцами», фрески церкви Успения на Волотовом поле свидетельствуют о том, что в конце XIV в. Новгородцы

использовали боевые наголовья, по конструкции схожие с ранними видами бацинетов или «норманнками»⁷⁶.

Археологические фрагменты таких шлемов отсутствуют, но какие именно характерные небольшие потерявшиеся детали реально вычленишь от цельных куполов открытых бацинетов, употреблявшихся, скорее всего, в восточноевропейской традиции без забрал?

Стоит согласиться, что презрение, высказанное новгородской броне, отчасти, конечно, имеет еще и показательный характер. Очень сложно не заподозрить здесь какого-либо ускользающего от нас аспекта ушедшей действительности. Таким аспектом, безусловно, могли являться даже религиозные мотивы, о чем обоснованно писал М. Несин⁷⁷. Характер крестового похода, приданный серии военных мероприятий, куда вошла Коростынь, мог действительно создать прецедент брезгования доспехами проклятых «латинян», а отличия в конструкции кольчуг и подвижных калантырей — усугубить данное восприятие. Впрочем, подобную идею исповедовал реконструктор со стажем А. Зеленцов, высказав ее примерно десять лет назад и многократно приводивший в своих рассуждениях на тему принципов формирования древнерусского комплекса вооружения религиозный аспект, исключающий использование «нечистого латинянского» защитного снаряжения. Впрочем, конечно, данный аспект весьма дискутабелен.

Для нас весьма важным подтверждением существования чего-то подобного являются дошедшие до нашего времени данные о коллекции родового собрания оружия графа С. Д. Шереметьева — представителя старинного московского рода. Изданная Э. Ленцем в 1895 г. «Опись...» содержит 249 предметов защитного вооружения: 48 кольчуг, одну кольчужную и одну кольчато-пластинчатую защиту ног, пять юшманов, девять куюков, 26 зеркал, 70 боевых наголовий различного вида, девять раздельных частей доспехов, 72 парных и одиночных наручей, девять щитов⁷⁸. Среди сохранившихся предметов защитного снаряжения нет ни одного соотносящегося с какими-то «европезированными» пластинчатыми древними доспехами Руси XIV–XV вв. Представлен всего один позднейший европейский шлем, хотя среди доспехов и ныне хранятся в Государственном Эрмитаже восточные бригантины-куюки, скорее всего, относящиеся к XV в. (а может быть, и к более раннему времени — XIV в.), также имеющие мягкую основу и почему-то сохранные.

Нет клепано-пришивных доспехов и в «Государевой оружейной Палате» — собрании оружия Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». По какой-то причине они не сохранились. Вместе с тем весьма показательна археология Новгорода и Пскова, демонстрирующая рекордную насыщенность пластинчатыми доспехами, Пскова — высокотехнологичным оружием в виде арбалета — явным свидетельством более европеизированного характера военного дела.

Доспех — материя действительно косная, в Средневековье не подверженная резким переменам, какие бы вердикты ни выносило государство, озабоченное улучшением орудий войны. Вместе с тем тип доспеха формировался под влиянием таких факторов, как удобство и максимально возможная защищенность, совмещение данных свойств давало возможность эффективно перемещаться во время боевых действий. Наши знания об особенностях военного снаряжения предков далеко не полны.

«Военное дело не терпит неудобств!» — отозвался однажды на мои надоедливые вопросы о путях формирования комплексов вооружения Руси знаменитый исследователь Гомельской оружейной мастерской Ю. М. Лупиненко. Можно лишь добавить, что наверняка в оснащении войска главную роль играли не религиозное сознание или какие-то уложения, а здравый смысл. Признавая наличие некоторого «европейского» или «европеизированного» снаряжения в Новгородской земле, мы точно не знаем, в каком количестве и каким образом оно применялось. Использовались ли «*долгие копыя*» и «*доспехи крепкие*» для европейского классического таранного удара копьем, или копьё держалось двумя руками в манере «*контоса*»? Приспособления (*fauere*, фокры) для удержания тяжелого копья в европейской манере не найдены (или пока не найдены), как нет и каких-либо достоверных свидетельств о максимально эффективных средствах защиты в Новгороде против мощного копейного удара — сильно выдвинутых нагрудников, забрал. Данные о древнерусском щите черпаются нами в основном из изобразительных источников. Количество археологических находок европейского снаряжения, исключая пластины от клепано-пришивных панцирей, также минимально. Нельзя игнорировать преимущественно восточный характер древнерусского вооружения, сохранявшегося

в общеизвестных российских древлехранилищах. Судя по археологическим находкам и данным изобразительных источников, правда, в основном относящимся к XII–XIV вв., присуще оно в значительной степени и Новгородской республике.

Но что это — воля случая, когда характерные пластинчатые доспехи древней Руси просто не дошли до нас, не попав в оружейные собрания, возможно, пропав в огне многочисленных пожаров, или были целенаправленно исключены из перечней воинских вещей вследствие неприязни, которую мог испытывать к новгородским (и в широком смысле к европейским) доспехам современник нарождающегося Московского царства. Возможно, именно клепано-пришивной пластинчатый доспех ассоциировался с побежденными отступниками-новгородцами, попытавшимися принять сторону «запада», и тяжеловооруженными литовцами, облаченными в *«зброи добрые, бляховые»*, вызывающими после московско-литовских войн ненависть и презрение московской военной элиты к снаряжению «по-литовски», европейским боевым наголовьям и общеевропейской пластинчатой броне. Вместе с тем определенные виды брони европейского производства, бесспорно, находили применение на Руси в конце XV и в XVI вв., составляя значительную часть запрещенных к ввозу товаров, по-видимому, традиционно оседавших на Севере и Северо-Западе Руси. Кольчужные панцири *«немецкие»*, *«медлянские»* вполне могли использоваться в арсенале конных лучников московских земель, так как не ограничивали тактику ведения лучного боя. Древние панцири из узких небольших пластин, характерных для археологии Новгорода, прежде составляющих чешуйчато-ламеллярные системы, органично трансформировались в доспехи, соединенные кольцами — калантыри, бехтерцы. Подобное мнение уже давно озвучивается кулуарно, не имея доказательств. Наступила ли пресловутая смена «доспешной моды» для местных представителей военного сословия Севера и Северо-Запада Руси, и в какой степени старая «мода» стала резко нехарактерна для московских земель? О. В. Шиндлер своей работой поднял обширнейший круг задач как перед историками-специалистами, археологами, так и перед группами, занимающимися экспериментальной археологией. Дальнейшие исследования вооружения различных древнерусских территорий должны будут дать ответы на поставленные вопросы.

Ссылки

¹ Шиндлер О. В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.— 2015.— Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015.— Ч. I.— С. 72–97 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

² Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV в.— Л., 1975.— С. 99.

³ Археология СССР.— М., 1982.— Т. 15. Древняя Русь. Город, замок, село.— С. 324.

⁴ Шиндлер О. В. Смена доспешной моды на Руси... — С. 75.

⁵ Там же.

⁶ Кулешов Ю. А. Оборот оружия в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей.— Казань, 2014.— № 3.— С. 220.

⁷ Иванов В. А. Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологических контекстах: где истина? // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 г.) — Казань, 2011.— С. 73–75.

⁸ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология.— М., 1959.— Вып. № 4.— С. 125.— Рис. 1.11, 1.12.

⁹ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР.— М., 1959.— Вып. № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции.— Т. 2.— С. 176–180.

¹⁰ Крайне признателен за полученную мной возможность ознакомиться с неопубликованным археологическим материалом Пскова и Изборска Т. Ю. Закуриной, Т. Е. Ершовой, С. А. Салмина, Е. А. Яковлева.

¹¹ Двуреченский О. В. «Броня крепка». Снаряжение русского воинства в эпоху Куликовской битвы // «Родина». — 2005. — № 12. — С. 65–68.

¹² Двуреченский О. В. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Холодное наступательное оружие московского государства конец XV начало XVII вв. — М., 2008. — С. 70–71.

¹³ Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С. Всадники войны. Кавалерия Европы. — СПб., 2005. — С. 333.

¹⁴ Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. II. — С. 594–612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

¹⁵ Селиверстов Д. А. «А Ординцы и делюи, а тем знати своя служба, како то было при нашем о(т)ци, при великом князи...». (К вопросу об ориентализации Московского войска середины XIV — начала XV вв. // Военное дело улуса Джучи и его наследников. — Астана, 2012. — С. 220–245.

¹⁶ Виноградова В. Л. Некоторые замечания о лексике «Задонщины» // Труды Отдела древнерусской литературы. — М.; Л., 1958. — Т. 14. — С. 199.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. — М.; Л., 1966. — С. 395.

¹⁹ Кирпичников А. Н. Куликовская битва. — М., 1980. — С. 82.

²⁰ Шиндлер О. В. Классификация русских корпусных доспехов XVI века. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 451. <<http://www.milhist.info/2014/08/18/schindler>> (18.08.2014).

²¹ Казанская история. — М.; Л., 1954. — С. 125, 148.

²² Клещинов В. Н., Гришин И. В. Каталог русских средневековых монет с правления царя Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода (1533–1617 гг.). — М., 1998. — С. 16–17. — Рис. № 19–25, 29–38. (Благодарю А. Н. Лобина и М. А. Несина за предоставление

данной ссылки. Эта монета была также опубликована в Живом журнале А. Н. Лобина (второй рисунок сверху) и тоже предположительно атрибутирована им как изображение царя в калантаре: живой журнал А. Н. Лобина [Электронный ресурс] <<http://alexuslob.livejournal.com/175509.html>> (13.03.2015). (Выражаю благодарность М. А. Несину за эту информацию.)

²³ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV- начала XV в. — М., 1983. — С. 247.

²⁴ Кригер В. А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника. (Оренбургская область) // Советская археология — 1983. — Вып. № 3. — С. 178. — Рис. 5.50.

²⁵ Пастушенко И. Ю. Доспех-бехтерец из Бартымского I селища. Вестник Удмуртского университета. — 2010. — Вып. № 3. — С. 150.

²⁶ Кулешов Ю. А. О позднем защитном вооружении народов Северного Кавказа. // Военная археология. — М., 2008. — Вып. 1. — С. 97.

²⁷ Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования археологии Кубани. — Краснодар, 2003. — Вып. 3. — С. 197, 198.

²⁸ Зеленский. Ю. В. Поножи из половецкого погребения в степном Прикубанье // Военная Археология. — М., 2008. — Вып. № 1. — С. 142–144.

²⁹ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха... — С. 124, 130.

³⁰ Шеляпина Н. С., Панова Т. Д., Авдусина Т. Д. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле // Советская археология. — М., 1979. — Вып. № 2. — С. 224–225.

³¹ Шиндлер О. В. Классификация русских корпусных доспехов... — С. 452.

³² Там же.

³³ Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. — М., 1953. — С. 63.

³⁴ Чубинский А. Н. Предметы вооружения утраченные Оружейной Палатой XVII–XIX веках. Утраты мнимые и действительные // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 г. — СПб., 2016. — Ч. IV. — С. 349–350.

³⁵ Там же. С. 350.

³⁶ Там же. С. 352.

³⁷ Кирпичников А. Н. Куликовская битва... — С. 82.

³⁸ Шиндлер О. В. Классификация русских корпусных доспехов... — С. 439.

³⁹ Тиззенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — М.; Л., 1941. — Т. 2. — С. 184.

⁴⁰ Там же. — С. 186.

⁴¹ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси... — С. 26.

⁴² Иловайский Д. И. Из истории России. Собиратели Руси. — М., 1996. — С. 88.

⁴³ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРА). — СПб., 1907. — Т. 12. — С. 62.

⁴⁴ Гоняный М. И., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения и снаряжения верхового коня конца XII-последней трети XIV в., происходящий с территории поселений, расположенных в верховьях Дона // Военная Археология. — 2010. — Вып. 3. — С. 121–122.

⁴⁵ Там же. — С. 102.

⁴⁶ Наумов А. Н. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. «Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII-сер. XIV в.» — С. 6.

⁴⁷ Любомудров В. Н. Гробница великого князя Рязанского Олега Ивановича и супруги его великой княгини Ефросиньи. — СПб., 1859.

⁴⁸ Кулешов Ю. А. Оборот оружия в Золотой Орде... — С. 199–251.

⁴⁹ Потёмкина Т. М., Кулешов Ю. А. Погребения восточноевропейских средневековых номадов с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк, 2010. — Т. 8. — С. 271–294.

⁵⁰ Иванов В. А. Вооружение золотоордынского войска... — С. 73–74.

⁵¹ Бобров Л. А. Железные ястребы Мавераннахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV–XVII в.) // *Paqa-Bellum*. — 2003. — № 1 (17). — С. 71–101, 43–80.

⁵² Кулешов Ю. А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. — 2010. — № 3. — С. 159–162.

⁵³ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха... — С. 124. — Рис. № 36.

⁵⁴Тропин Н. А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли.— Воронеж, 2004.— С. 159–165.

⁵⁵Имеются виду неопубликованные в настоящее время фрагменты клепано-пришивных доспехов из Ильина сруб (информация была предоставлена О. В. Двуреченским в 2002 г. на семинаре «Военное дело России в прошлом, настоящем и будущем») и Боровицкого холма (информация предоставлена Ю. А. Кулешовым).

⁵⁶Ульянова Т. Н. Вооружение средневековой Коломны XIII–XVII в. // Археология Подмосковья.— М., 2008.— Вып. 4.— С. 200–202.

⁵⁷Меньшиков М. Ю. Мастерская «бронника» на территории Можайского кремля // Археология Подмосковья.— М., 2008.— Вып. 4.— С. 146–151.

⁵⁸Двуреченский О. В. Диссертация... — С. 70.

⁵⁹Информация предоставлена О. В. Двуреченским в 2002 г. на семинаре «Военное дело России в прошлом, настоящем и будущем».

⁶⁰ПСРА... — С. 22.

⁶¹Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси... — С. 26.

⁶²Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси.— М., 1958.— С. 525–534.

⁶³Селивёрстов Д. А. «А ординци и делюи, а темь знати своя служба, како то было при нашемъ о(т)ци, при великомъ князи...» К вопросу об ориентализации московского войска середины XIV — начала XV веков // Военное дело Улуса Джучи и его наследников.— Астана, 2012.— С. 222.

⁶⁴Ульянова Т. Н. Вооружение средневековой Коломны... — С. 195.

⁶⁵Там же.

⁶⁶Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси... — С. 41.

⁶⁷Несин М. А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 гг.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.— 2015.— Т. VII.— С. 317. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015); Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера... — С. 597.

⁶⁸Несин М. А. Ответ на замечания Быкова А. В. изложенные в статье «Отзыв на статью О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»» и отзыв на статью Шиндлера О. В. «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный

ресурс] // История военного дела: исследования и источники.— 2016.—
Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015.— Ч. II.— С.
630, 632 <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).

⁶⁹ Там же.— С. 632.

⁷⁰ Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера...— С. 597.

⁷¹ Несин М. А. Ответ на замечания Быкова А. В...— С. 632.

⁷² Панкратов А. Г. Павеза в комплексе русского вооружения // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 г.— СПб., 2016.— Ч. I.— С. 275, 276.— Рис. 2.5.

⁷³ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси...— С. С. 42.

⁷⁴ Каменский А. Н., Кулешов Ю. А. Защита конечностей в комплексе вооружения древнерусского воина (по материалам Великого Новгорода) // Сборник материалов Проблемного совета Военная археология при Государственном Историческом музее.— М.; Тула, 2014.— Вып. № 3.— С. 147.

⁷⁵ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого...— С. 180; В. И. Кильдюшевский. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей.— СПб., 1999.— С. 75–76.— Рис. 5.7, 5.8.

⁷⁶ Панкратов А. Г. Боевые наголовья «норманнского» типа на Руси в XI–XIV вв. и некоторые технологические аспекты его изготовления // Вестник Технологии и дизайна. В печати. (Анализом новгородского воинского снаряжения по изобразительным источникам совсем недавно занимался М. И. Петров опубликовавшим свои взгляды в статье сборника «Новгород и новгородская земля», с которой я к сожалению не смог ознакомиться.)

⁷⁷ Несин М. А. Ответ на замечания Быкова А. В...— С. 633–635.

⁷⁸ Ленц Э. Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметьева.— СПб., 1895.